

ary study of this question. We single out following areas of focus in modern researches which form the problem of modernization of the agricultural sphere from the end of the 19th century to the beginning of the 20th century. Firstly, it is the policy to peasant community and race because of the governmental deal. Then it is a huge amount of works dedicated to social-economical village development – peasant autonomy, farming and landed property, land market development, productivity of land, condition of labor force, cooperation problem and development of peasant industry, financial issue of the peasant community. Traditionally social-cultural development of the village is in the great demand including popular education, common law for peasants and the evolution of the peasant family.

Keywords: history of Russia from the second part of the 19th century to the beginning of the 20th century; peasant community; historiography; agrarian reform; agricultural policy; agriculture modernization; monetary and fiscal constituent of peasant farming; development of the land market; crop yields.

УДК 930.2

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ПОЗНАНИЮ ИСТОРИИ: ДИСКУССИОННЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ МНОГОАСПЕКТНОЙ ПРОБЛЕМЫ В ЛАПИДАРНОМ ИЗЛОЖЕНИИ

© 2017

Ипполитов Георгий Михайлович, доктор исторических наук, профессор кафедры философии
Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики
(г. Самара, Российская Федерация)

Аннотация. В настоящей статье автор предпринял попытку раскрытия (в дискуссионном ключе) некоторых аспектов столь сложной и многоаспектной проблемы, как системный подход к познанию истории. Стиль изложения – лапидарный, с элементами конспективности. Рассмотрен фундаментальный постулат о системном характере объекта и предмета исследования, показаны сложности разграничения объекта и предмета в исторической науке и сведения их в систему в интересах применения системного подхода. Проводится мысль о том, что при определении элементов системы, и особенно структурных связей внутри нее, необходимо особо тщательное внимание уделять установлению факторов (как объективных, так и субъективных), которые влияют на функционирование выстроенной системы. Констатируется, что развитие новых свойств элементов системы достигает в известный момент размаха и уровня, которые приводят к такому изменению внутренней природы этих элементов, когда возникает новое их качество, то есть возникает «кризис системы». Статья снабжена обширными ссылками на литературу, в которой, в первую очередь, анализируются общеполитологические аспекты системного подхода к познанию истории. Приводятся примеры из научно-исследовательской практики автора.

Ключевые слова: система; элементы системы; структура; системные принципы; системный подход; системный анализ; познание истории; И.Д. Ковальченко; Э.Г. Юдин; Л. фон Бергаланфи; Э. Гуссерль; целостность системы; сбалансированность и устойчивость её структуры.

Систематика, присущая науке, – конечно, настоящей, подлинной науке, – есть не наше изобретение; она кроется в самих вещах, и мы просто ее открываем
Э. Гуссерль [1, с. 188]

Мысль выдающегося немецкого философа Э. Гуссерля, используемая в качестве эпиграфа к данной статье, видимо, объясняет в какой-то мере тот факт, что системный подход к познанию истории, судя по современному уровню накопления знаний в сфере теории и методологии исторической науки [2–8], прочно занял свою нишу среди подходов, практикуемых при выполнении научных исторических трудов. Думается, что подобное положение в немалой степени детерминируется тем обстоятельством, что примерно со второй половины XX столетия в социально-гуманитарных науках оформилась устойчивая тенденция к их интеграции. Это четко и достаточно образно отметил зарубежный специалист по исследованию глобальных проблем И. Валлерстайн. По его суждению, в последние десятилетия XX в. ярко проявилось стремление изучать явления социальной действительности, «разложив их по отдельным ящичкам и присвоив им особые названия: политика, экономика, социальная структура, культура, не осознавая, что эти ящички существуют по большей ча-

сти в нашем воображении, а не в реальной жизни. Явления, которые мы в них находим, настолько переплетены, что одно обязательно предполагает другое, одно влияет на другое, и любое явление невозможно понять, не принимая во внимание содержание других ящичков» [9, с. 44]. Более того, в методологии социально-гуманитарных наук появились некоторые точки соприкосновения с методологией естественно-математических наук. Так, К.Р. Поппер писал в данной связи буквально следующее: «Обсуждать разницу между естественными и гуманитарными науками давно было модным и уже стало скучным. Метод решения проблем, метод предположений и опровержений применяется и теми, и другими. Он точно так же применяется при реконструировании поврежденного текста, как при построении теории радиоактивности» [10, с. 181–182].

Автор данной статьи, размышляя о системном подходе к познанию истории (причем в лапидарном стиле, с элементами конспективности), затрагивает лишь некоторые аспекты столь сложной и многоаспектной проблемы. Материал носит дискуссионный характер. Разумеется, в нем отсутствуют претензии на полноту освещения проблемы. Например, вне рамок предмета исследования остались такие сложные аспекты проблемы, которые можно условно сформу-

лизовать так: «Системный подход к познанию истории и синергетика»; «Системный подход к познанию истории и социальная позиция исследователя» и др. Свои рассуждения по теме исследования, означенной в заглавии настоящей статьи, автор счел целесообразным предвратить некоторыми тезисами общефилософского порядка.

Во-первых, анализ проблемы системного подхода к познанию истории не представляется возможным без достижения чёткости в содержании такого сложного понятия, как «система». Она (с точки зрения философии) представляет собой совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которая образует определенную целостность, единство. При определении понятия системы необходимо учитывать теснейшую взаимосвязь его с понятиями целостности, структуры, связи, элемента, отношения, подсистемы и др. Понятие «система» имеет чрезвычайно широкую область применения. Собственно говоря, практически каждый объект может быть рассмотрен как система [11].

Системы строятся и функционируют на следующих основных системных принципах: 1) целостность – принципиальная несводимость свойств системы к сумме свойств составляющих ее элементов и выводимость из последних свойств целого; зависимость каждого элемента, свойства и отношения системы от его места, функций и т.д. внутри целого; 2) структурность – возможность описания системы через установление ее структуры, то есть сети связей и отношений; обусловленность поведения системы не столько поведением ее отдельных элементов, сколько свойствами ее структуры; 3) взаимозависимость системы и среды – система формирует и проявляет свои свойства в процессе взаимодействия со средой, являясь при этом ведущим активным компонентом взаимодействия; 4) иерархичность – каждый компонент системы, в свою очередь, может рассматриваться как система, а исследуемая в данном случае система представляет собой один из компонентов более широкой системы; 5) множественность описания каждой системы – в силу принципиальной сложности каждой системы ее адекватное познание требует построения множества различных моделей, каждая из которых описывает лишь определенный аспект системы и др.

Основная задача специализированных теорий систем – построение конкретно-научного знания о разных типах и разных аспектах систем, в то время как главные проблемы общей теории систем концентрируются вокруг логико-методологических принципов анализа систем, построения метатеории системных исследований [12–17].

При этом следует подчеркнуть следующее обстоятельство принципиального характера: термин «система» употребляется в научной литературе неоднозначно: в одних случаях как философская категория, в других – как понятие системного подхода. Естественно, что при этом его содержание будет различным. Если данное обстоятельство не учитывать, то неизбежны недоразумения.

Во-вторых, системный подход (с точки зрения философии) представляет собой направление философии и методологии науки, специально-научного познания и социальной практики, в основе которого

лежит исследование объектов как систем; ориентация исследований на раскрытие целостности объекта и обеспечивающих ее механизмов, на выявление многообразных типов связей сложного объекта и сведение их в единую теоретическую картину. Системный подход – это междисциплинарное философско-методологическое и научное направление исследований. Он, не решая философских проблем, нуждается в философском истолковании своих положений [18]. К числу важнейших задач системного подхода относятся: 1) разработка средств представления исследуемых и конструируемых объектов как систем; 2) построение обобщенных моделей системы, моделей разных классов и специфических свойств систем; 3) исследование структуры теорий систем и различных системных концепций и разработок.

В системном исследовании анализируемый объект рассматривается как определенное множество элементов, взаимосвязь которых обуславливает целостные свойства этого множества. Основной акцент делается на выявлении многообразия связей и отношений, имеющих место как внутри исследуемого объекта, так и в его взаимоотношениях с внешним окружением, средой. При этом учитывается, что свойства объекта как целостной системы определяются не только и не столько суммированием свойств его отдельных элементов, сколько свойствами его структуры, особыми системообразующими, интегративными связями рассматриваемого объекта [19–21].

Суть системного подхода как научной методологии заключается в применении частными науками к познанию своего предмета концептуальной системы и понятийного аппарата общей теории систем (теории сложных систем). Это становится возможным в силу того, что общая теория систем строится на признании изоморфизма основных законов, определяющих функционирование и строение целостных объектов различной природы, а потому формулируемые ею принципы изучения сложных объектов как систем могут применяться в самых различных частных науках, способствуя адекватной постановке проблем и выработке стратегии их исследовании [22; 23; 24, с. 193–227; 25]. Особенно эффективным системный подход оказывается при анализе сложных динамических объектов, обладающих многокачественностью, многомерностью, многоструктурностью, то есть имеющих несколько качественных определенностей, специфических линий и закономерностей развития [26–№ 9, с. 81].

В-третьих, следует учитывать, что системный подход является теоретической и методологической основой системного анализа, который представляет собой совокупность методов и средств, используемых при исследовании и конструировании сложных и сверхсложных объектов, прежде всего методов выработки, принятия и обоснования решений при проектировании, создании и управлении социальными, экономическими, человеко-машинными и техническими системами. Системный анализ применяется, главным образом, к исследованию искусственных (возникших при участии человека) систем, причем в таких системах важная роль принадлежит деятельности человека [27]. Использование методов системного анализа для решения исследовательских и управленческих проблем необходимо прежде всего пото-

му, что в процессе принятия решений приходится осуществлять выбор в условиях неопределенности, которая связана с наличием факторов, не поддающихся строгой количественной оценке. Процедуры и методы системного анализа направлены на выдвижение альтернативных вариантов решения проблемы, выявление масштабов неопределенности по каждому из вариантов и сопоставление вариантов по тем или иным критериям эффективности. Согласно принципам системного анализа, возникающая перед обществом та или иная сложная проблема (прежде всего проблема управления) должна быть рассмотрена как нечто целое, как система во взаимодействии всех ее компонентов. Для принятия решения об управлении этой системой необходимо определить ее цель, цели ее отдельных подсистем и множество альтернатив достижения этих целей, которые сопоставляются по определенным критериям эффективности, и в результате выбирается наиболее приемлемый для данной ситуации способ управления. Центральной процедурой в системном анализе является построение обобщенной модели (или моделей), отображающей все факторы и взаимосвязи реальной ситуации, которые могут проявиться в процессе осуществления решения [28–31].

В-четвертых, необходимо подчеркнуть особенность системного подхода диалектического материализма – понимание всякого объекта как стройной системы элементов, на которые он объективно распадается, и одновременно как элемента более широкой системы. Только рассмотрение объекта в развитии, во взаимодействии его внутренних элементов и в совокупности внешних взаимосвязей дает возможность описать сложность процесса научного познания, выступающего как закономерная и высшая форма отражения действительности в сознании [17; 22; 32; 33].

Автор этой статьи полагает, что если ученый-историк желает применять в своих научных изысканиях системный подход, то он должен учитывать некоторые теоретико-методологические ориентиры, которые могут стать для него своего рода кроками исследовательского маршрута.

Во-первых, системный подход, в отношении к познанию истории, не должен являться самодовлеющим, а применяться в комплексе с другими подходами, практикуемыми в науке истории [2; 5; 7; 8]. Собственно говоря, это и наблюдается в серьезных исследованиях как исторического [34; 35], так и проблемно-историографического плана [36; 37]. Тезис, изложенный выше, представляется прописной истиной. Но это только в первом приближении. Ведь ни для кого не секрет, что можно еще встретить, например, отдельные авторефераты кандидатских диссертаций по историческим наукам, в которых соискатели декларируют (подчеркнем, именно декларируют) верность системному подходу, но используют его слабо. Видимо, не станет преувеличением сказать, что перед нами частный случай самодовлеющего системного подхода в исторических исследованиях.

Во-вторых, при рассмотрении темы, означенной в заглавии настоящей статьи, нельзя допустить смешения понятий «научный подход» и «научный метод». Сложность здесь заключается в том, что данные понятия не только оба фигурируют в философии

науки, но иногда даже употребляются в качестве синонимов, что представляется не совсем обоснованным. Научный подход всегда зиждется на логике, удостоверяющей истинность наших построений. В науке логика обязательна, и логика должна быть непротиворечива. Там, где логику сменяют чудеса и «высшие силы», наука заканчивается. Научный подход чаще адекватен тому, что само имеет жесткую определенность, что является в этом смысле вещью и свободы лишено. Логический язык может описать только то, что само имеет логику изнутри [38, с. 31–41]. Следует исходить из того, что научный подход – широкое понятие [39]. Он, по четкой характеристике Э.Г. Юдина, является принципиальной методологической ориентацией исследования, это точка зрения, с которой «рассматривается объект изучения (способ определения объекта), понятие или принцип, руководящий общей стратегией исследования» [23, с. 160]. Действительно, исследователь, выбирая подход, определяет первоначальный вектор в работе, то есть он закладывает фундамент своих научных изысканий, базируясь на котором, используя который он пытается достичь поставленной научной цели. Подход определяет основной путь решения исследовательской задачи. Он раскрывает стратегию этого решения [2, с. 454–481].

В отличие же от научного подхода, научный метод – более узкое понятие, так как он выступает в качестве способа достижения цели, совокупности приемов и операций теоретического или практического освоения действительности, а также человеческой деятельности, организованной определенным образом [40]. Так, Л.Н. Мазур пишет, что историко-системный метод – один из основных методов исторического исследования, в котором реализуются принципы системного подхода [41, с. 156]. В принципе, с такой постановкой вопроса можно согласиться, так как автор выстроил четкую иерархию понятий «подход» и «метод». Однако Л.Н. Мазур допустила в своем суждении некоторую категоричность. Конечно, в системном подходе к познанию истории можно выделить свои принципы. Но тогда возникает вопрос: как их совместить с общими принципами познания исторической истины? (К таковым И.Д. Ковальченко относит следующие: истины, конкретности, историзма, объективности, всесторонности, системности, опоры на исторические источники, историографической традиции [2, с. 32–33]. И, с точки зрения автора настоящей статьи, здесь представлен достаточный перечень принципов познания истории).

В-третьих, применяя системный подход, историк призван учитывать следующее принципиальное обстоятельство: общество, которое он исследует в различных хронологических рамках, относится к числу органических систем. А это означает, что в обществе налично особого рода связи между составляющими его элементами. Поэтому система обладает свойством модифицировать входящие в неё элементы, приспособляя их к решению общесистемных задач, но в то же время и элементы, в силу собственной относительной автономности, могут оказывать обратное воздействие, вызывая те или иные системные изменения. В свою очередь, все эти элементы существуют не изолированно, сами по себе, а в со-

ставе особых целостностей, которые можно определить как подсистемы, охватывающие различные сферы функционирования общества (например, политическая подсистема, правовая подсистема и пр.). В целом, в обществе не существует жесткой качественной детерминации между общественной системой и подсистемой: их взаимозависимость скорее нелинейна, чем линейна. Такой характер внутрисистемных связей проистекает из общей логики саморазвития системы. Согласно классическому определению, принадлежащему одному из создателей общей теории систем Л. фон Берталанфи, всякая система развивается таким образом, что «ранее не связанные или слабосвязанные ее части становятся все более взаимосвязанными, сама же система совершенствуется ... к устойчивому подвижному равновесию» [13, с. 44].

В-четвертых, применяя системный подход, историк призван учитывать еще одно принципиальное обстоятельство – учет междисциплинарных связей, которые, в той или иной мере, но влияют на выстраивание соответствующей системы с целью применения системного подхода в историческом, а также и в проблемно-тематическом историографическом исследовании. Уместно в данной связи привести мнение М.А. Гареева, с которым автор этой статьи солидаризируется. Видный ученый пишет буквально следующее: «...недопустим отрыв военной истории от военной науки в целом». Ведь военная наука, как и другие науки, непрерывно развивается. В последние 15–20 лет, продолжает цитируемый выше М.А. Гареев, «система военно-теоретических знаний связана с изучением природы войны и армии как сложного социально-политического общественного явления, представляющего собой не только столкновение вооруженных сил, но и борьбу народов, государств, коалиций» [42, с. 15].

Одним из важных аспектов проблемы системного подхода к познанию истории является фундаментальный постулат о системном характере объекта и предмета исследования. Азбучная истина: признаком всякой научной дисциплины является наличие у нее собственного объекта познания и его предмета. Б.Г. Могильницкий, один из выдающихся отечественных специалистов по проблемам теории и методологии исторической науки, проведя глубокий и всесторонний анализ специфики исторического познания, выделил в том числе один из вопросов, решение которого решительно способствует раскрытию данной специфики. Это – вопрос о предмете исторической науки как «отправной момент» «всех рассуждений о природе истории» [43, с. 5–7].

Вроде бы опять идет речь о прописных истинах. Однако все тут просто опять лишь только в первом приближении. Свести объект и предмет исследования в одну систему – необходимое, но не очень-то простое исследовательское действие. Дело в том, что здесь историка подстерегают своего рода «подводные камни». И их первоначально заключается в том, что в философской науке между понятиями «объект» и «предмет» не проводится довольно четкой грани. Так, из «Философского энциклопедического словаря», увидевшего свет в постсоветский период, когда марксизм-ленинизм потерял монопольное право на априорные заклинания – руководства к действию для

ученых, можно уяснить, что объект, если исходить из наиболее общей трактовки – «вещь, предмет». При этом акцентируется внимание на том, что «понятием «объект» обозначали только то, что внутри мышления или сознания противостояло явлениям мысли в качестве объективного предмета» [44, с. 313–314]. Выходит, что разница между объектом и предметом не устанавливалась, или же, по крайней мере, признавалась очень несущественной.

Между тем, как показывает анализ, специалисты в сфере теории и методологии исторической науки уделяли проблеме «разводки» объекта и предмета в историческом познании более пристальное внимание, чем специалисты в сфере, например, гносеологии. Но что характерно: даже в литературе советского периода, когда не поощрялось разночтение в трактовке методологических проблем, не санкционированное ЦК КПСС, при выявлении различий между объектом и предметом научного исторического познания появлялись разные точки зрения. Например, Ю.В. Петров полагал, объект – «это «мир человека», т.е. действительность, ассимилированная практически и теоретически человеком». Подобное понимание опирается на философское представление об объекте познания как о том, что было включено в сферу деятельности человека, во взаимодействие с ним [45, с. 231].

Ученую возразил такой крупный авторитет в теории и методологии истории, как академик И.Д. Ковальченко. По его оценке, объектом может признаваться «реальность, существующая независимо от субъекта», когда предмет – часть объекта, включенная в познавательный процесс. При этом в ходе развития процесса исторического исследования «предмет познания расширяется», ибо расширяются знания об объекте исследования. Характерно, что И.Д. Ковальченко вывел соответствующие дефиниции: *объект* – «совокупность качественно определенных явлений и процессов реальности, существенно отличных по своей внутренней природе, основным чертам и законам функционирования и развития от других объектов этой реальности»; *предмет* – «определенная целостная совокупность наиболее существенных свойств и признаков объекта познания, которая подвергается изучению» [2, с. 43; 45]. Маститый ученый, кроме того, особенно подчеркнул следующее обстоятельство: даже в отличие от других общественно-гуманитарных наук, «объектом познания которых... являются определенные целостные компоненты общественного развития» – социально-экономический, политически-правовой, общественно-идеологический, художественно-культурный, нравственно-этический, социально-психологический, – «объект познания исторической науки – вся совокупность явлений общественной жизни на протяжении всей истории общества». Таким образом, по оценке И.Д. Ковальченко, историческая наука по сравнению с другими конкретными общественно-гуманитарными науками выступает как наука комплексная, интегральная [2, с. 44].

С подобной оценкой можно, да и, наверное, нужно спорить, но вряд ли можно отрицать ее правильность в основном. Согласно И.Д. Ковальченко, ключевое слово в дефиниции «объект» – реальность; ключевое слово в дефиниции «предмет» – изучение.

Именно отсюда вытекает простая истина, что предмет – какая-то часть объекта. Следовательно, предмет всегда многоаспектен. Отсюда же вытекает другая, более сложная истина: объект и предмет исторического исследования имеют системный характер. Их всегда нужно рассматривать в диалектическом единстве [46, с. 281, 285, 291].

Представляется неординарной точка зрения на диалектику объекта и предмета, например, военной истории, высказанная военными учеными В.А. Золотаревым, О.В. Саксоновым, С.А. Тюшкевичем. Исходя из того, что под объектом науки понимается то явление, которое изучается, исследователи отметили, что длительное время основным объектом военной рассматривались войны и армии прошлого. Однако, хотя это и классическое представление об объекте военно-исторической науки, но оно не отражает всей сложности объекта военной истории. Ведь любая конкретная война возникает в условиях мира, который в самом себе заключает источник и причины самых разнообразных войн. Война возникает тогда, когда для этого складываются необходимые и достаточные условия, которые формируются в обстановке мира. Кроме того, всякая война заканчивается миром. Это и ряд других обстоятельств позволили авторам посчитать, что не только войны и армии прошлого являются объектом военно-исторической науки, но и мир, предшествующий войне. Война с ее политической сущностью не разделяет предвоенный и послевоенный мир, а, напротив, связывает их в одну причинно-следственную историческую цепь событий. А это, в свою очередь, означает, что и мир «определенным образом входит в объект военно-исторической науки» [47, с. 21].

Если границы объекта военно-исторического познания расширились, следовательно, требуется корректировка предмета военной истории. Здесь цитированные выше авторы исходили из того, что при определении предмета военно-исторической науки центральной темой исторического знания является «человек в исторически конкретных обстоятельствах», а не «окружающие человека обстоятельства». Любой акт вооруженной борьбы, как и вся война в целом, – это «продукт деятельности людей» [47, с. 22]. И поэтому историческое знание о событиях военной истории не может быть истинным, если человек предстает в нем только как средство, а не самоцель истории. Исходя из таких посылок, ученые утверждают, что предметом военно-исторического знания выступают «исторические закономерности возникновения, хода и исхода войн, вооруженных конфликтов, армий, военная деятельность в единстве всех ее сторон – экономической, социальной, политической, духовной и собственно военной – государств, народных масс, классов, партий, движений как в мирное время, так и в военное время в различные исторические эпохи. Причем эта деятельность связана как с подготовкой, развязыванием и ведением военных акций (войн, вооруженных конфликтов), так и с их предотвращением» [47, с. 22].

И все-таки, если вести речь об исторических исследованиях, то, как правило, понятия объекта и предмета познания, при всей их сложности, что выше отмечалось, различаются достаточно четко. Но не всегда. С первых дней работы с аспирантами и соис-

кателями автор данной статьи столкнулся, например, с такой ситуацией: некоторые из будущих кандидатов исторических наук, выбрав тему диссертации, стали испытывать серьезные затруднения в определении объекта и предмета исследования. А кое-кто, даже выйдя на предварительную экспертизу научной квалификационной работы, так и не определился, где объект, а где предмет его исследования. Вот пример из практики автора этой статьи в качестве официального рецензента на стадии предварительной экспертизы кандидатской диссертации по специальности 07.00.02 – Отечественная история. Тема диссертации: «Суворовские военные училища Поволжья (1943–1964 гг.)». Соискатель (из соображений элементарной научной этики воздержимся в данном случае от персонификации) определил объектом исследования исторический опыт военного обучения и воспитания молодых людей в суворовских военных училищах, а предметом исследования – историю формирования, становления и деятельности суворовских военных училищ, дислоцировавшихся на территории Поволжья. Невооруженным глазом видно, что допущена методологическая ошибка: определены два аспекта одного предмета исследования. А объект исследования – Суворовские военные училища Поволжья – выпал из поля зрения диссертанта. Разумеется, такая методологическая ошибка была по ходу предварительной экспертизы устранена.

Как видно, простота в «разводке» объекта и предмета в исторических и тем более в проблемно-тематических историографических исследованиях – простота кажущаяся. Например, трудно спорить с военными учеными, утверждающими, что определение, например, объекта военно-исторической науки и ее предмета – важнейшая научная проблема, решение которой «никогда не было простым делом» [47, с. 20].

Относительно же сведения в систему объекта и предмета проблемно-тематического историографического исследования заметим, что здесь необходимо это сделать так, чтобы, *во-первых*, был обеспечен процесс выстраивания иерархии аспектов истории изучения темы, избранной для проблемно-тематического историографического анализа; *во-вторых*, открыть возможность установления внутренних связей между иерархизированными аспектами, указанными выше, определения наиболее значимых из них [48, с. 77–80].

И наконец, сводя объект и предмет исторического исследования в систему для последующего ее анализа, следует помнить всегда о том, что объект исторического исследования и его предмет не появляются из ниоткуда. Общество выдвигает новые потребности к познанию прошлого, появляются и новые объекты его исторического исследования. Как тут не согласиться с Б.Г. Могильницким, афористично и тонко заметившим, что «предмет истории сам историчен, что и должно определять наш подход к его рассмотрению» [49, с. 17].

Не менее сложный аспект рассматриваемой проблемы – конструирование системы по теме, выбранной для исследования, которую будет необходимо проанализировать посредством системного подхода. Здесь представляется наиболее сложным, *во-первых*, определение места системы в историческом про-

странстве и во времени (станет ли она, к примеру, подсистемой в более сложной системе, или в нее войдут другие подсистемы); во-вторых, выявление элементов системы; в-третьих, установление структурных связей и отношений внутри системы. Так, С.Ф. Кужилин в своей монографии отмечает, что система военно-патриотического воспитания будущих защитников Родины в СССР (вторая половина 1950–1991 гг.) имела стройный вид и включала в себя принципы, методы, формы деятельности властных структур различного уровня, государственных и общественных организаций и учреждений, решавших вполне определенные, свойственные им задачи. В разработке данных составляющих анализируемой системы, поиске путей ее совершенствования и организации их практической реализации и проявилась большая организаторская роль властных структур и общественных институтов. Система военно-патриотического воспитания будущих защитников Родины в СССР являлась сложно организуемой, включавшей в себя множество подсистем и различных параметров. Причем она входила, в свою очередь, в качестве подсистемы в функционировавшую в СССР в исследуемом периоде систему «коммунистического воспитания» [50, с. 133–134]. Налицо четкое построение системы для последующего анализа посредством системного подхода. И это не прошло в свое время незамеченным для рецензентов данного научного труда [51, с. 183–185].

Однако не всегда исследователи, опираясь на системный подход, четко выстраивают систему для анализа. Например, А.В. Горожанин и А.И. Леонов в своей монографии пишут, что в течение 1918 – начале 1919 г. усилиями правящей в Советской России партии большевиков была создана стройная, строго централизованная система деятельности органов государственной власти и военного управления по правовому воспитанию военнослужащих. Она постоянно совершенствовалась. Все проанализированные субъекты данной системы работали под жестким контролем руководящих органов правящей Коммунистической партии [52, с. 46–47]. Между тем упомянутые выше субъекты (видимо, речь идет о субъектах выстроенной авторами монографии для анализа системы) хотя и охарактеризованы, но структурные связи и отношения, возникавшие внутри системы, четко не обозначены [52, с. 62–66].

Анализ рассматриваемой проблемы показывает, что при определении элементов системы, и особенно структурных связей внутри нее, в интересах анализа посредством системного подхода необходимо особо тщательное внимание уделять установлению факторов (как объективных, так и субъективных), которые влияют на функционирование выстроенной системы. Например, выстраивая систему для анализа проблемы исторического процесса как процесса смены явлений, состояний в развитии человечества, необходимо учитывать влияние следующих основных объективных факторов: 1) среда обитания (климатические, геофизические, коммуникационные особенности территории, ее размеры и природные ресурсы); 2) геополитические условия (соседние народы, характер взаимоотношений с ними, влияние на другие народы); 3) демографические особенности (численность и плотность населения, темпы его роста);

4) способ производства, развитие производительных сил. К субъективным же факторам можно отнести следующие: 1) цивилизационные этнические особенности жизнедеятельности народа; 2) господствующие идеи о социальном устройстве и государственном строе; 3) деятельность государственных деятелей, исторических личностей, общественно-политических движений и их лидеров, открытия ученых и изобретателей. Причем при анализе выстроенной системы следует учитывать, что каждый из факторов, указанных выше, оказывает влияние на ход исторического процесса в разной степени на разных этапах общественного развития. Под их влиянием развитие исторического процесса в той или иной пространственно-временной системе координат различается по темпам, формам и направленности.

И наконец, практикуя системный подход к познанию истории, исследователю необходимо выработать четкие представления о том, что по мере развития системы ее элементы, обладая относительной самостоятельностью, и в силу внутренних тенденций и под воздействием внешней среды, могут приобретать новые черты, которые будут приходиться в противоречие с их системообразующими свойствами. Это начнет отрицательно сказываться на целостности системы, сбалансированности и устойчивости её структуры. Развитие новых свойств элементов системы достигает в известный момент размаха и уровня, которые приводят к такому изменению внутренней природы этих элементов, когда возникает новое их качество. Такое изменение часто называют кризисом системы. Например, общенациональный кризис социально-политической системы в истории нашего Отечества в период 1914–1920 гг., когда после Первой мировой войны, Великой российской революции 1917 г. и последовавшей за ней Гражданской войной, родилось Советское государство, аналогов которому не имело в истории мировых цивилизаций.

Таким образом, системный подход к познанию истории – сложный и многоаспектный теоретико-методологический феномен. Его применение в исследовательской практике может быть успешным только у того, кто владеет элементарными знаниями об общей теории систем, а также понимает, что применять данный подход можно только в комплексе с другими, известными сегодня в методологической науке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Гуссерль Э. Логические исследования // Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Т. 1.: пер. с нем. Новочеркасск: Агентство Сагуна, 1994. С. 175–353.
2. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. 2-е изд. М.: Наука, 2003. 486 с.
3. Ковальченко И.Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований // Новая и новейшая история. 1995. № 1. С. 3–34.
4. Ковальченко И.Д. Историческое познание: индивидуальное, социальное и общечеловеческое // Свободная мысль. 1995. № 2. С. 111–123.
5. Смоленский Н.И. Проблемы логики общеисторического развития // Новая и новейшая история. 2000. № 1. С. 3–18.
6. Каган М.С. Системный подход и гуманитарное знание: избранные статьи. Л., 1991. 384 с.

7. Хвостова К.В. История: проблемы познания // Вопросы философии. 1997. № 4. С. 60–79.
8. Ипполитов Г.М. Из опыта преподавания методологии истории в Самарском государственном педагогическом университете // Новая и новейшая история. 2007. № 5. С. 80–88.
9. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. М.: Территория будущего, 2006. 248 с.
10. Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход / Перевод с английского Д.Г. Лахути. М.: Едиториал УРСС, 2002. 384 с.
11. Садовский В.Н. Система [Электронный ресурс] // Интернет-версия издания: Новая философская энциклопедия: в 4 т. 2-е изд., испр. и допол. / Институт философии РАН; Национальный общественно-научный фонд; представитель научно-редакционного совета В.С. Степин. М.: Мысль, 2010. – <http://iphras.ru/elib/2745.html>.
12. Агашков Е.Б., Ахлибинский Б.В. Эволюция понятия системы // Вопросы философии. 1998. № 7. С. 170–179.
13. Берталанфи Л. Общая теория систем: Критический обзор // Исследования по общей теории систем. М.: Прогресс, 1969. С. 23–82.
14. Садовский В.Н. Основания общей теории систем. Логико-методологический анализ. М.: Наука, 1974. 280 с.
15. Афанасьев В.Г. Системность и общество. М.: Политиздат, 1980. 368 с.
16. Нестеров А.В. Философия систем [Электронный ресурс] // Сайт, посвященный изобретательским задачам и методам их решения. – <http://metodolog.ru/00313/00313.html>.
17. Кузьмин В.П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М.: Политиздат, 1986. 398 с.
18. Блауберг И.В., Юдин Э.Г., Садовский В.Н. Системный подход [Электронный ресурс] // Интернет-версия издания: Новая философская энциклопедия: в 4 т. 2-е изд., испр. и допол. / Институт философии РАН; Национальный общественно-научный фонд; Представитель научно-редакционного совета В.С. Степин. М.: Мысль, 2010. – <http://iphras.ru/elib/2745.html>.
19. Блауберг И.В. Проблемы методологии системного исследования. М.: Мысль, 1970. 455 с.
20. Блауберг И.В. Проблема целостности и системный подход. М.: Эдиториал УРСС, 1997. 450 с.
21. Уемов А.И. Системный подход и общая теория систем. М.: Мысль, 1978. 272 с.
22. Ракитов А.И. Философские проблемы науки: Системный подход. М.: Мысль, 1977. 270 с.
23. Юдин Э.Г. Методология науки. Системность. Деятельность. М.: Эдиториал УРСС, 1997. 450 с.
24. Щедровицкий Г.П. Принципы и общая схема методологической организации системно-структурных исследований и разработок // Системные исследования: Методологические проблемы. Ежегодник 1981. М.: Наука, 1981. 384 с.
25. Прангишвили И.В. Системный подход и общесистемные закономерности. М.: Синтег, 2000. 528 с.
26. Кузьмин В.П. Системное качество // Вопросы философии. 1973. № 9. С. 81–94; № 10. С. 95–106.
27. Садовский В.Н. Системный анализ [Электронный ресурс] // Интернет-версия издания: Новая философская энциклопедия: в 4 т. 2-е изд., испр. и допол. / Институт философии РАН; Национальный общественно-научный фонд; представитель научно-редакционного совета В.С. Степин. М.: Мысль, 2010. – <http://iphras.ru/elib/2745.html>.
28. Гвишиани Д.М. Организация и управление. 2-е изд., доп. М.: Наука, 1972. 536 с.
29. Клиланд Д., Кинг В. Системный анализ и целевое управление. Пер. с англ. / под ред. И.М. Верещагина. М.: Советское радио, 1974. 280 с.
30. Системные исследования. Методологические проблемы: сб. ст. Ежегодник 1982. М.: Наука, 1982. 402.
31. Волкова В.Н. Из истории теории систем и системного анализа. СПб.: СПбГПУ, 2001. 41 с.
32. Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. М.: Наука, 1973. 274 с.
33. Руткевич М.Н. Диалектический материализм. М.: Мысль, 1973. 527 с.
34. Полторац С.Н. Военная и научная деятельность Александра Ивановича Верховского. Памяти профессора В.И. Старцева. СПб.: Остров, 2014. 298 с.
35. Гуров В.А. Советские, российские вооружённые силы: их роль в разрешении вооружённых конфликтов в 1988–2008 гг.: монография. Самара: ООО «Изд-во Ас Гард», 2013. 534 с.
36. Ефремов В.Я. Процесс нравственного воспитания армейского офицерства вооружённых сил Российской империи в условиях мирного времени (1870-е – август 1914 гг.). История изучения. Монографическое исследование проблемы в формате историограф. очерка. Саратов: «Амирит», 2016. 166 с.
37. Воронов В.Н. Вооружённые формирования на территории Сибири в период Гражданской войны и военной интервенции: историография и источниковедение проблемы. М.: Изд-во МГОУ, 2007. 237 с.
38. Новоселов М.М. Беседы о логике. М.: ИФ РАН, 2006. 158 с.
39. Рузавин Г.И. Методология научного исследования. М.: Изд-во «Юнити-Дана», 1999. 318 с.
40. Стёпин В.С., Елсуков А.Н. Методы научного познания. Мн.: Изд-во «Вышэйшая школа», 1974. 152 с.
41. Мазур Л.Н. Историко-системный метод // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. 576 с.
42. Гареев М.А. Сражения на военно-историческом фронте: сб. ст. М.: Инсан, 2008. 896 с.
43. Могильницкий Б.Г. О природе исторического познания. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1978. 236 с.
44. Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 1997. 575 с.
45. Петров Ю.В. Практика и историческая наука. Проблема субъекта и объекта в исторической науке. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1981. 421 с.
46. Ипполитов Г.М. Объект, предмет, субъект исторического познания: непростая диалектика // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2007. Т. 9, № 2 (апр.–июнь). С. 281–296.
47. Золотарев В.А., Саксонов О.В., Тюшкевич С.А. Военная история России. М.: Кучково поле, 2002. 736 с.

48. Ипполитов Г.М. О некоторых аспектах методологии историографического исследования // Вестник Самарского государственного педагогического университета. Исторический факт. Вып. 3 «Актуальные проблемы истории, археологии и педагогики». Самара: СГПУ, 2007. С. 76–84.

49. Могильницкий Б.Г. Введение в методологию истории: учебное пособие для вузов М.: Высшая школа, 1989. 175 с.

50. Кужилин С.Ф. Военно-патриотическое воспитание допризывной и призывной молодежи: опыт отечественной истории (вторая половина 1950-х –

2000 гг.): Монографическое исследование. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2006. 355 с.

51. Смирнов Ю.Н. Рецензия. Кужилин С.Ф. Военно-патриотическое воспитание допризывной и призывной молодежи: опыт отечественной истории (вторая половина 1950-х – 2000 гг.). Монографическое исследование. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2006. 355 с. // Вестник СамГУ. 2006. № 5/1 (45). С. 183–185.

52. Горожанин А.В., Леонов А.И. Правовое воспитание военнослужащих Красной армии в годы гражданской войны на юге России (ноябрь 1917 – ноябрь 1920 г.): исторический опыт, уроки: монография. Самара: Изд-во СЮИ МЮ РФ, 2004. 160 с.

A SYSTEMATIC APPROACH TO HISTORY COMPREHENSION: DEBATING REFLECTIONS OF SOME MULTILATERAL PROBLEM ASPECTS IN LAPIDARY PRESENTATION

© 2017

Ippolitov Georgy Mikhailovich, doctor of historical sciences, professor of Philosophy Department
Volga State University of Telecommunications and Informatics (Samara, Russian Federation)

Abstract. In this paper the author has made an attempt to research and discuss some aspects of such a complex and multilateral problem – a systematic approach to the knowledge of history. The style of presentation is lapidary with elements of conspectus. The author of the paper considers a fundamental postulate of the systemic nature of the object and subject of the study, shows a complexity of the subject and object distinction in historical science and their linking by means of a systematic approach. The author shows that in order to identify the elements of the system (in particular the structural relationships within it) particularly careful attention should be given to the recognizing of factors (both objective and subjective) that affect the constructed system. The author states that the development of new properties of the system elements reaches at a certain moment the extent and level that lead to a change in the inner nature of these items. As a result of this process the new quality of these elements is generated there. It appears to be the «crisis of the system». The paper is provided with extensive references to the literature, which analyze general philosophical aspects of a systematic approach to the knowledge of history. The paper also contains some examples of the author's research practice.

Keywords: system; system components; structure; system principles; system approach; system analysis; knowledge of history; I.D. Kovalchenko; E.G. Yudin; L. von Bertalanffy; Husserl; system integrity; structural balance and stability.